

Ты в юбке выглядишь очень мило

Детка, у тебя такие длинные и белые ноги, что от одного взгляда на них у меня всё возбуждается.

На экране телефона красовалось очередное донельзя пошлое сообщение с того же номера.

Бам!

Мэн Юймин с потемневшим лицом перевернул телефон экраном вниз — звук получился довольно громким, и все присутствующие на совещании тут же уставились на него.

Мэн Юймин виновато улыбнулся людям и смущенно произнес: Ничего страшного, просто нарвался на какого-то психопата.

Все сомнением отвели взгляды, а сидевший во главе стола председатель студенческого совета кашлянул и официальным тоном произнес: Если возражений нет, то считаем номера для вечеринки в честь первокурсников утвержденными?

У меня есть возражения!

Все оглянулись на Мэн Юймина. Председатель злобно сверкнул на него глазами и сквозь зубы процедил: Говори!

Мэн Юймин жутко обиделся. Под острым, пронзительным взглядом председателя он замялся и выдавил: Вам не кажется, что мужчина в юбке, виляющий задом на сцене, это... как-то извращенно?

В комнате мгновенно воцарилась мертвая тишина.

Председатель зловеще улыбнулся, и ручка, описав дугу в воздухе, прилетела прямо в Мэн Юймина.

Это называется отаку-данс, между прочим, вполне приличный танец.

Для Мэн Юймина, круглогодично далекого от интернета первобытного человека, чей телефон годился разве что для звонков и СМС, женская одежда и отаку-данс лежали далеко за пределами привычного кругозора.

Впрочем, как бы сильно он ни отставал от жизни, он точно знал: ни один приличный танец не требует, чтобы парни наряжались в женские платья.

Все еще лелея крошечную надежду, Мэн Юймин значительно более мягким голосом произнес: Я не против того, чтобы студенческий совет танцевал отаку-данс, но можно я тогда выйду из состава участников?

Мэн Юймин.

Председатель сладко улыбнулся: Ты же главное лицо нашего студенческого совета. Даже если ты просто постоишь там без всякого движения, стоит выставить твои длинные ноги на показ, и наш номер порвет всех... Выйти из состава может кто угодно, но только не ты!

Мэн Юймин обладал привлекательной внешностью, точеными чертами лица, прекрасным телосложением, а его длинные ноги и вовсе приковывали к себе все взгляды.

Стоило только вспомнить про длинные ноги, как Мэн Юймину снова вспомнился тот извращенец, который шлет домогательские СМС, и его передернуло, словно он проглотил муху.

Пошлые сообщения от маньяка начали приходить аккуратно с того самого дня, как Мэн Юймин приступил к репетициям.

Вторую половину совещания Мэн Юймин проситал в полном отупении, а едва оно закончилось, сразу же направился в уборную и заперся в кабинке.

Он машинально набрал номер этого извращенца.

Стоило вызову пройти, как Мэн Юймин, не давая собеседнику и слова сказать, выпалил: Гребаный извращенец! Я же русским языком сказал, что я мужик! Насколько же ты должен быть озабоченным, чтобы возбуждаться от парня? Пришлешь еще хоть одно сообщение — заявлю в полицию!

В трубке царила гробовая тишина, и Мэн Юймин отчетливо слышал собственное тяжелое дыхание.

Детка, в юбке ты совсем не похож на парня, а ножки у тебя такие длинные и рочные.

А?

В трубке вновь раздался низкий, чувственный голос мужчины, в котором сквозило легкое веселье, звучавшее чертовски соблазнительно: Я говорю, твои ноги — просто загляденье.

Мэн Юймин опешил: Откуда ты знаешь? Неужели ты...

Успел посмотреть?

Хе-хе... — мужчина негромко усмехнулся, а затем нарочито двусмысленным тоном произнес: Так и хочется потрогать.

Гнев ударил Мэн Юймину в голову, и только он собрался повысить голос и обругать собеседника в ответ, как тот перебил его первым: Умница, детка, у меня тут кое-какие дела, но мы очень скоро увидимся.

Пи-пи... — вызов сбросили.

Мэн Юймин со злости пнул дверь кабинки ногой и тихо выругался: Гребаный психопат!

В роскошном зале, залитом сиянием огней, под плавные звуки симфонической музыки кружились пары.

Мужчина чуть изогнул губы, отчего его резкие и глубокие черты лица самую малость смягчились. Он был так невероятно хорош собой, что казалось, будто он вовсе не человек; сейчас в его глазах таилась такая нежность, что от одного взгляда на него у любого сердце начинало биться чаще.

Чей звонок?

В карих глаза мужчины промелькнул лукавый огонек, он провел языком по губам, словно смакуя какое-то изысканное лакомство.

Парня.

Ох, парня... Стоп, Чу Бэй, с каких это пор у тебя появился парень?! Чу Бэй не обратил на него внимания, толкнул дверь и вышел. Едва он ступил на крыльце, как подошедшая женщина взяла его под руку, и они вместе спустились по ступеням.

— Сынок, с двадцатилетием.

Взгляды всех присутствующих устремились на Чу Бэя — виновника сегодняшнего торжества.

Музыка стихла, и гости словно по сговору посмотрели сквозь панорамные окна на идеальную, ничуть не тронутую изъязном круглую луну.

Светло-карие глаза Чу Бэя на глазах стали алыми, наполняясь звериной, жестокой холодностью. Закинув голову к луне, он издал долгий вой:

— О-о-у!

Этот пронзительный звук казался способным взмыть ввысь и достичь самих небес.

Одетые в роскошные наряды мужчины и женщины на танцполе пришли в возбуждение. Они тоже запрокинули головы к луне, и по всему залу один за другим разнеслись звериные крики.

Жуткие вопли под серебристым лунным светом стихли лишь спустя долгое время.

Ближе к ночи Чу Бэй без особого интереса покачивал бокал с красным вином, глядя на собравшихся на банкете прелестных девушек. Ян Ячань похлопала сына по руке, и в ее красивых глазах читалось полное ожидание.

— Посмотри на девушек здесь, приглянулась ли хоть одна? Найди себе пару для спаривания пораньше, избавишь меня и отца от ежедневных хлопот.

— Мам, — с досадой произнес Чу Бэй. — Я ведь еще университет не закончил.

— Недавно ведь уже принял человеческий облик?

Чу Бэй промолчал. Если ты до сих пор не найдешь себе пару, можешь просто отправиться в Сибирь и бегать там голышом вместе с дикими волками, — произнесла Ян Ячань. — Мы с твоим отцом родили тебя, когда нам было по двадцать, так что тебе тоже пора произвести на свет парочку волчат, чтобы нам было с кем поиграть.

Клан Чу происходил из ветви сибирских волков — обладателей чистейшей крови среди всех оборотней. Достигнув совершеннолетия в восемь лет, они следовали зову инстинкта: в ночь полнолуния обращались в волков и мчались навстречу дикой природе... в поисках подходящей пары.

Иными словами, в ночь полнолуния оборотни предавались гону, словно дикие звери.

Хотя существовало множество способов отсрочить симптомы гона, подавление природных инстинктов легко могло обернуться тяжелейшим ответным ударом.

Взгляд Чу Бэя помрачнел, а в памяти возникли ослепительно белые, длинные ноги Мэн Юймина. Звериная кровь забурлила в жилах, требуя выхода и подпитывая темное волеизъявление.

Он провел языком по коренным зубам, и его зрачки стали темными и глубокими.

Однажды он непременно сожрет Мэн Юймина вместе с костями, не оставив от него и следа.

На небе висела огромная полная луна, и в панорамном окне четко отражались раскидистые ветви густолиственного камфорного дерева.

В комнате Чу Бэй крепко сжал пальцы на талии юноши, притиснув его к полу.

Стонущий голос парня звучал тонко, мягко и невероятно приятно. Замерев на мгновение, Чу Бэй прижался грудью к его спине и принялся целовать.— Мм... — невнятно промычал юноша.

Чу Бэй взял его за подбородок и наконец разглядел лицо юноши.

— Мэн Юймин?

— Мяу! У! — раздался за окном пронзительный кошачий крик.

Лицо Чу Бэя наполовину освещал холодный лунный свет, а наполовину скрывала мягкая подушка. Он слегка нахмурился и открыл глаза.

Такой с трудом приснившийся влажный сон — и тот испортила какая-то озабоченная тупая кошка.

Чу Бэй злился всё сильнее. Он откинул голову назад и угрожающе зарычал:

— О-о-у!

Котёнок, судя по всему, испугался волчьего воя и полностью замолк.

Но не прошло и мгновения, как раздался раздражённый голос отца Чу Бэя, Чу Тяня:

— Ах ты, волчонок паршивый, среди ночи не спишь, чего разорался! Мать мне разбудил!

Чу Бэй, опираясь на руки, посмотрел на круглую луну за окном, а затем бросил взгляд на телефон: ровно двенадцать часов ночи.

Он облизнул губы, вспоминая длинные ноги Мэн Юймина и его жилистую талию из сна, и внезапно почувствовал лёгкий голод каково это было бы — действительно прижать Мэн Юймина к постели?

Наверное, до того сладко, что он бы умер от истощения.

Если подумать, загляделся он на Мэн Юймина всего семь дней назад, когда случайно увидел, как тот танцует в репетиционном зале в короткой юбке.

Будучи знаменитостью в Университете Ц, Чу Бэй уже доводилось издалека видеть довольно известного Мэн Юймина. У того действительно была привлекательная внешность, но всё же недостаточно яркая, чтобы заставлять думать о себе днями напролёт.

Однако те длинные ноги почему-то запали Чу Бэю в душу, и с тех пор, чем больше Чу Бэй присматривался к Мэн Юймину, тем сильнее ему казалось, что в нём идеально абсолютно всё.

Просто соблазнительно.

Чу Бэй почти физически чувствовал, как в его жилах закипает кровь. Воздержание длилось слишком долго, и от одних лишь фантазий уже кружилось в голове.

Его мозг внезапно пронзила волна головокружения, а по спине пробежала острая боль.

Плохо! — подумал Чу Бэй.

Он с трудом поднялся с кровати, сделал несколько нетвердых шагов и рухнул на пол.

В это же время в Университете Ц.

Ночь была темна, как чернила, и лишь вокруг луны разливалось зловещее кроваво-красное сияние. Облака заслоняли лунный свет, и Мэн Юймину казалось, что путь впереди то погружается во мрак, то вновь озаряется светом.

Дорога из круглосуточной читальни в общежитие, пройденная уже сотни раз, вдруг показалась незнакомой.

Стояло лето, в траве то и дело тревожно шуршали какие-то животные, казалось, ещё секунда — и оттуда выпрыгнет дикий зверь. Мэн Юймин крепко прижал к груди учебник по специальности и слегка нахмурился. Несмотря на летнюю жару, от ночного ветерка по его загривку побежали мурашки.

— О-о-у! — дикий волчий вой пронесся по всему студенческому городку университета Ц.

Мэн Юймин опешил, застыл на месте и, остекленевшим взглядом скосив голову, уставился на газон.

Лучше бы он этого не делал: его взгляд встретился с парой глубоких, бездонных, зловеще мерцающих красным звериных глаз.

После долгого молчания:

— Твою мать! — тихо выругался Мэн Юймин, крутанулся на месте и припустил во всю прыть.

Зверь с шумом перемахнул через изгородь и бросился за ним в погоню.

Сердце Мэн Юймина колотилось так бешено, будто готово было вырваться из груди, а за спиной уже слышно было тяжелое дыхание преследователя — казалось, зверь дышит ему прямо в затылок. Стиснув зубы, парень обернулся и швырнул вдогонку зажатую в руке книгу.

Толстенный фолиант в желтом переплете, который студенты-экономисты почтительно именовали «самым объемным и нудным», описал в воздухе идеальную дугу — и со всего маху врезался зверю прямо в голову.

При свете луны Мэн Юймин наконец разглядел хищника во всей красе.

Огромный, абсолютно белый, с до жути пугающими кроваво-красными глазами. От боли в ушибленной голове зверь оскалился, обнажив страшные клыки.

Если эта тварь укусит, клочья кожи полетят во все стороны!

— Что за чертовщина! — Неужели бешеная собака?

Но у какой собаки бывают красные глаза?!

Побледневший Мэн Юймин, спотыкаясь, продолжал бежать к общежитию. Опомившись, зверь раздраженно тряхнул головой и вновь уставился на беглеца.

Пара прыжков — и хищник нагнал Мэн Юймина, сравнявшись с ним.

Лицо парня побелело как бумага, он был готов разреветься. Обжигающе горячее дыхание зверя оведало его шею, заставляя кровь стынуть в жилах.

— На помощь! Помогите! — Мэн Юймину казалось, что ноги налились свинцом и стали невыносимо ватными, а в груди от нехватки кислорода жгло так, будто ее резали ножом.

Но на дворе стоял два часа ночи, и до пика сессии, когда студенты зубрят ночами напролет, было далеко. Все уже давно спали, кроме него, засидевшегося допоздна.

Когда зверь сбил Мэн Юймина с ног и втащил в кусты, парень понял: ему конец.

Он даже успел сообразить, какой заголовок украсит газеты завтра утром: Сенсация! Зверски убит лучший студент университета Ц, причина в том, что...

Или: Посреди ночи лишен жизни цветущий юноша из престижного вуза — падение нравов или деградация морали?

Грудь Мэн Юймина придавили две тяжелые звериные лапы. Затаив дыхание, он едва не

задохнулся от страха.

Его захлестнуло жгучее раскаяние.

Раньше он просто не понимал жизни: дай ему небо второй шанс, он непременно выбрал бы участь самого обычного двоечника — не боролся бы за первенство, не претендовал на стипендию и уж точно не шатался бы по ночам в одиночестве ради учебы...

Сейчас марксистская экономика и социалистическая политэкономия были бессильны его спасти, и он покорно зажмурился.

Однако прошло немало времени, а ожидаемой боли от клыков все не было. Осторожно приоткрыв глаза, Мэн Юймин нос к носу столкнулся с хищником.

Кровавые глаза зверя казались бездонными, и в них проступало какое-то странное, глубокомысленное выражение... с примесью легкой обиды?

Мысленно Мэн Юймин покрыл зверя трехэтажным матом: «На что ты вообще обижаешься?! Это моя невинность... тьфу, жизнь висит на волоске!»

Стараясь не делать резких движений, он понизил голос и заговорил ласковым, просительным тоном — сладким до приторности, от которого у него самого свело зубы:

— Братец, давай договоримся. Я совсем невкусный! Хочешь, я пойду и куплю тебе консервов для собак?

Про себя он думал, что этот зверь вовсе не похож на тигра или льва, скорее напоминая огромного белого пса — вот только дикая, леденящая кровь свирепость была свойственна лишь настоящим хищникам.

Неужели это волк?!

Но университет Ц — престижное учебное заведение, а вовсе не зоопарк! Откуда здесь взяться волкам?

Белый волк прищурился и в упор уставился на него.

Мэн Юймин заподозрил у себя проблемы с головой, ведь ему показалось, будто волк прекрасно понимает человеческую речь!

Интересно, едят ли волки собачий корм...

Он неуверенно пробормотал:

— Ладно, если совсем припрет, я...

Волк внезапно подался вперед и провел по его щеке нежным розовым языком.

Мэн Юймин судорожно втянул воздух, а затем ощутил влажное прикосновение на собственной шее.

Его голос дрогнул, едва не срываясь на плач:

— Я правда не вкус...

Закончить слово «вкусный» он не успел — волчий язык грубо пресек его попытку.

Зверь языком раздвинул его губы и попытался проникнуть внутрь!

Мэн Юймина прошиб леденящий ужас: его целовал волк! И хуже того — это был его первый в жизни поцелуй!

Сначала парень подумал, что это случайное касание, но быстро понял, что волк делает это вполне осознанно и целенаправленно.

Раздвинув его губы, белый волк запустил теплый мягкий язык в рот и принялся властно и напористо хозяйничать внутри.

Мэн Юймина прежде никто не целовал, и этот белый волк буквально лишил его рассудка. Наконец, охваченный жгучим стыдом и беспомощностью, он инстинктивно вцепился руками в передние лапы зверя.

Стоит признать — пушистые и теплые, они на ощупь оказались весьма приятными... А в сочетании с поцелуем от этого ощущения едва не плавилась воля.

Спустя неизвестное количество времени белый волк наконец отпустил его.

— Фух...

Мэн Юймин отвернулся и жадно глотнул воздух. Его глаза покраснели и блестели от слез, а губы распухли и казались алыми, будто с них сочилась кровь.

Однако волк на этом не остановился. Просунув морду под тонкую одежду парня, он принялся вылизывать его грудь...

— Хватит... перестань... — Мэн Юймин не верил, что стал жертвой домогательств со стороны волка, но суровая реальность была налицо.

Белый волк с кровавыми глазами действовал все наглее. Его язык скользил все ниже, а слабые попытки сопротивления Мэн Юймина напоминали лишь легкое щекотание. Кончик языка принялся настойчиво гулять по тонкой талии парня.

— М-м... — не выдержав, Мэн Юймин издал жалобный стон.

От этого звука и человек, и зверь одновременно замерли.

Засмутившись, Мэн Юймин зажал рот рукой, а белый волк уставился на него еще более глубоким, пронзительным взглядом.

— Послушай, волчий братец, пойми же, я парень!

Суровые глаза волка сузились. И хотя зверь ничего не сказал, Мэн Юймин отчетливо прочитал в этом взгляде презрение, словно тот говорил: «Я тебе не слепец!»

В голове Мэн Юймина мелькнула догадка, и он робко предположил:

— Может... волчья сестрица?

Белый волк оскалился и раздраженно вильнул хвостом.

В следующую секунду, ловко перевернув Мэн Юймина, словно кусок жареного риса на сковороде, зверь навис над ним, и по спине парня пробежал холодок.

Плохо!

Черт побери, эта озабоченная тварь положила глаз на его задницу!

В нос ударил густой аромат травы и сырой земли. Чудовищная тяжесть навалилась на спину, лишая всякой надежды на побег, и Мэн Юймин покорно зажмурился.

— Кхм...

Волк цапнул его за загривок, и кожу обожгло теплом и влагой. Рана оказалась глубокой, выступила кровь.

Говорили, что запах крови пробуждает звериные инстинкты, и Мэн Юймин решил, что сейчас его просто сожрут.

Будь то участь быть съеденным или насильно оприходованным волком — и то, и другое казалось верхом унижения, однако по шее снова заскользили мягкие, влажные касания.

Волк словно утешал его.

Мэн Юймин был готов разрыдаться: да пусть эта тварь уже покончит с ним разом!

Зверь снова перевернул его на спину, придавил лапой грудь, легонько лизнул в нос — и убрал лапу.

Ноги у Мэн Юймина всё еще дрожали, и он с недоумением уставился на волка.

Белый волк задрал хвост и испустил зычный, полный таинственного ритуального величия вой, обращенный к луне.

Напоследок бросив на парня долгий взгляд, он оттолкнулся задними лапами по направлению к ночному светилу и умчался быстрее ветра.

Мэн Юймин так и остался стоять в растерянности. Ночной ветерок обдал его лицо, и всё вокруг вернулось на круги своя.

3. Очень красиво.

— Ай. — Мэн Юймин нашарил рукой затылок и изо всех сил попытался заглянуть через плечо в зеркало, чтобы оценить рану.

На белой коже отчетливо виднелись два следа от собачьих клыков. В ту ночь кровь хлестала вовсю, но, к счастью, царапины были неширокими, и корочка схватывалась быстро.

Вспомнив глубокие кроваво-красные глаза дикого зверя, Мэн Юймин на мгновение погрузился в оцепенение, а затем пробормотал:

— Укусил дикий волк... интересно, надо ли мне делать прививку от бешенства?

— Мэн Юймин, следующий номер на репетиции — ваш студенческий совет! Остальные уже переоделись, почему ты до сих пор в своем!

Мэн Юймин обернулся и увидел выстроившихся за его спиной здоровенных мужиков в платьях, которые дружно и застенчиво улыбались ему.

Зрелище было не для слабонервных.

Распорядитель новогоднего концерта с толчком затолкнул Мэн Юймина в мужскую уборную.

Прижимая к груди белое кружевное платье, парень стоял в тесной туалетной кабинке концертного зала.

Стоявший у зеркала высокий парень во фраке лениво скользнул по нему взглядом.

Каким бы отрешенным от мира ни был Мэн Юймин, он прекрасно знал этого человека — всеобщего любимца и главного красавца университета Ц, студента третьего курса управленческого факультета Чу Бэя, учившегося с ним на одном потоке.

Судорожно сжимая в пальцах платице с кружевной оборкой, Мэн Юймин шевелил губами, чувствуя себя донельзя неловко.

Оба мужчины, так почему же ему приходится надевать женский наряд, а Чу Бэй щеголяет в столь элегантном и стильном костюме?

Мысли вихрем проносились в голове, но раз уж генеральная репетиция прошла утром, а вечером предстояло выступить, отступить было некуда.

Глубоко вздохнув и собираясь попросить Чу Бэя выйти, он вдруг заметил, как тот с легкой улыбкой смотрит на него и неторопливо расстегивает ширинку...

Прямо перед Мэн Юймином парень вытащил свое главное сокровище.

— ...

Атмосфера в туалете стала до странного зловещей.

<http://bllate.org/book/22524/2378869>